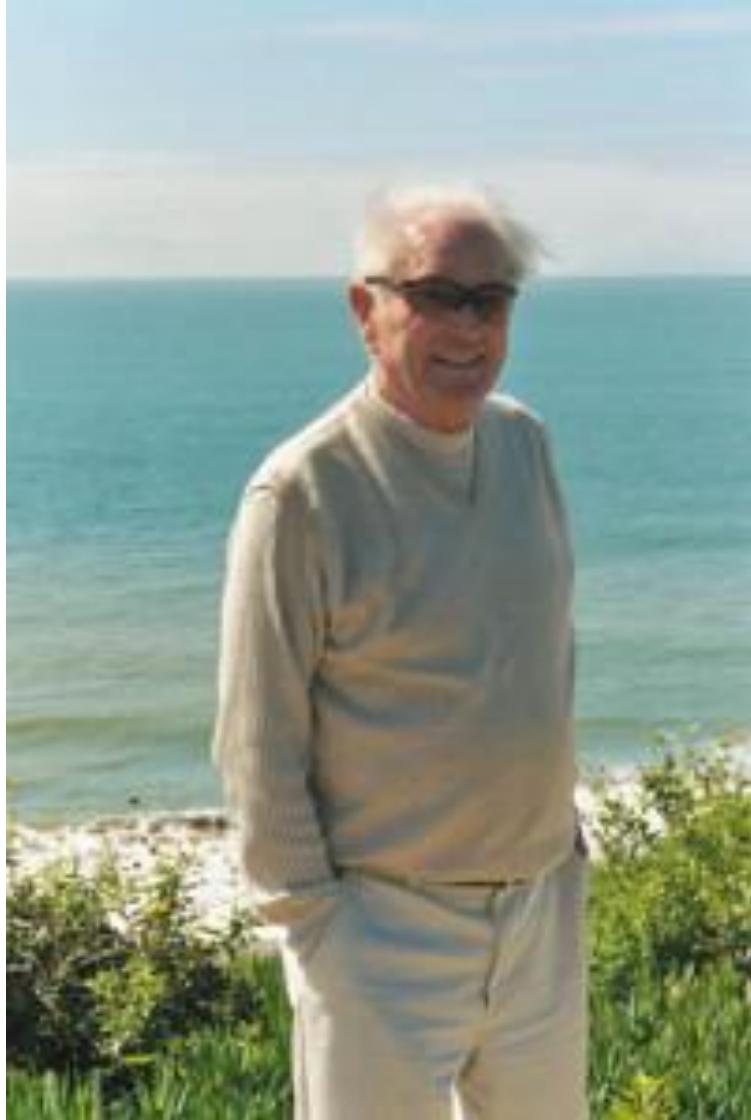

ИНТЕРВЬЮ С САНИТАРОМ МОРСКОЙ ПЕХОТЫ США СТЭНОМ БОУЭНОМ

Стэн Боуэн (Stan Bowen) родился 30 января 1923 года в Лос-Анжелесе. Он прослужил всю войну санитаром (pharmacist's mate) в Корпусе Морской Пехоты США и принимал участие в десантах на острова Тарава, Сайпан и Тиниан...

Расскажите нам о своем детстве, о своей семье.

Отец, который работал в *Bank of America*, купил небольшой дом в Беверли Хиллс. Это было прекрасный пригород с единственной средней школой, и все дети из зажиточных семей и семей со средним доходом хорошо уживались друг с другом. Некоторых возили в школу на лимузине с собственным шофером, а некоторые ездили в школу на велосипедах.

Вы ведь выросли в крепкой, дружной семье?

Да, это так. Всю мою жизнь мы ходили в церковь, в лютеранский приход.

Вы ходили в ту самую среднюю школу Беверли Хиллс, которую показывают по телевидению?

Да, но сами мы ее никогда не называли [Beverly Hills 90210](#). Одно я тогда уяснил для себя четко: я никогда не свяжу свою жизнь с индустрией развлечений. Вот вам пример: несколько лет назад мы были на свадьбе вместе с одним из моих школьных учителей. Он сказал мне: «Знаешь, вам повезло. Когда заканчивались занятия, вы шли домой и ужинали, а дети из богатых семей доводили нас до белого каления, потому что ошивались в спортзале до той поры, пока их не выгоняли домой. У них дома не было семьи.» Однако тогда я об этом не думал.

Были ли в Вашей школе сыновья и дочери знаменитостей?

Да, и немало, но на нас это не повлияло. Они были такими же, как и мы. Девушка по имени [Ронда Флеминг](#) (Rhonda Fleming), красотка, [Бетти Уайт](#) (Betty White), [Джеки Купер](#) (Jackie Cooper), [Бобби Брин](#) (Bobby Breen), [Джун Хэйвер](#) (June Haver), [Андре Превин](#) (Andre Previn), [Блэйк Эдвардс](#) (Blake Edwards) – все они были там. Там же училась падчерица [Джека Уорнера](#) (Jack Warner) [Джой Пейдж](#) (Joy Page). Иногда она приглашала нас к себе домой, потому что чувствовала себя одиноко. У них в доме был театр, зал для боулинга, зал для игры в пул, а когда вам хотелось есть, появлялись ребята с салфетками, намотанными на руку. Можно было съесть стейк, кусок индейки или цыпленка – все, что душе угодно.

Как влияли на Вас события, происходившие в мире в те годы? Приходилось ли Вам размышлять о надвигающейся войне?

Мы знали о том, что в Европе идет война, но на нас это особенно не действовало. Когда случился Пёрл-Харбор, я даже не знал, где это. Вот такое значение имели для нас события в остальном мире. Война началась, когда я учился в университете города Сан-Хоце/San Jose, получая спортивную стипендию.

Что Вам припоминается в связи с Пёрл-Харбором?

В то воскресное утро мы проснулись и услышали по радио сообщение о том, что бомбили Пёрл-Харбор. Богом клянусь, мы и не знали, где он находится. Страна быстро сорганизовалась, и мы знали, что нам придется принять в этом участие. Мы не хотели, чтобы нас призвали, так что мой брат, я и мой друг Лэрри Кавич сами записались в армию. Когда я и мой друг пришли записываться на службу, чиновник сказал нам: «Вы двое, парни, наверняка прошли кое-какую подготовку по оказанию первой помощи.» Да, так и было, но не то чтобы ее было много. Он сказал, что присвоит нам звание ученика госпитальной службы 1-го класса, что мы сможем носить три лычки на рукаве и получать в месяц на 5 долларов больше остальных, так что мы подписались на это, и я стал санитаром. После этого мы отправились в военный лагерь для прохождения первичного обучения.

Окончив это курс, я получил назначение в госпиталь. Старшая медсестра нашего отделения была классной. У не было звание [лейтенант-коммандера](#). Мы с ней подружились, и она поручила мне катать тележку с едой от кухни до нашего отделения – это было то, чем я занимался.

Как Вы оказались в морской пехоте?

Я добровольно записался в морскую пехоту, так как в одну из ночей был на вахте в нашем отделении, а парни из него, когда была возможность, позволяли себе расслабиться. Так вот, в одну из ночей в отделение вернулся один парень, который был капралом морской пехоты. Дело было ближе к полуночи. Он включил свет и всех разбудил. Я подошел и снова выключил свет, но он еще раз включил его. Я говорю ему: «Выключи! Ты не даешь людям спать!» Он ответил: «Да пошел ты...!», и началась драка. Я в школе, а потом в колледже занимался боксом, прошел через какое-то количество боев, так что сумел отметелить его. На другой день одна из медсестер, моя приятельница, сказал: «Стэн, этот парень встречается с флотской медсестрой, так что она в курсе событий. Ты ему нос сломал, так

что на твоем месте я бы свалила отсюда, пока меня не отдали под трибунал. За это точно в тюрьму попадешь, можешь не сомневаться. С пациентами драться не положено.» Поэтому я пошел в штаб и сказал: «Хочу уйти из этой части при первой возможности.» Они мне сказали, что на этот случай у них есть морская пехота, и я дал свое согласие...

Плакат раннего этапа ВМВ, призывающий молодых людей вступать в Корпус Морской Пехоты

Что Вы слышали о первых потерях, понесенных на Тихом океане?

Не помню, чтобы это произвело на нас какое-то впечатление. Мы все хотели повоевать, для нас это было приключением. Мы служили своей стране и были уверены в том, что разберемся с японцами безо всяких проблем.

Расскажите о курсе боевой подготовки.

Обучение было не то чтобы очень суровым. Около половины парней были из Южной Калифорнии и половина из Техаса и Оклахомы, так что последние постоянно включали ковбойскую музыку. Мы ее выключали и ставили [Бенни Гудмена](#) (Benny Goodman). С этими парнями мы совсем не ладили. На самом деле, с одним из них я даже как-то подрался...

Мы провели в лагере Эллиот/Camp Elliott месяца два-три. Много марш-бросков, стрельбы, физической активности. Еда стала намного лучше. Еще мы потренировались в использовании противогазов, но на Тихом океане нам не пришлось их использовать. Я использовал потом противогазную сумку, чтобы носить в ней дополнительный запас бинтов.

Как Вы добирались до южной части Тихого океана?

На поезде мы доехали до Сан-Франциско. Мы останавливались в Лос-Анжелесе, и мои родители пришли, чтобы увидеться со мной. Затем мы перебрались на остров Трежер/Treasure и там провели несколько недель. Тем временем мой брат прошел курс подготовки помощника корабельного артиллериста в Сан-Франциско, так что нам удалось встретиться. После этого мы не виделись до конца войны.

Затем морем мы переместились в Сан-Диего. Перевозил нас ужасный пароход, думаю, назывался он *Western Star*, - тот самый, на котором [адмирал Бэрд](#) добирался до Южного Полюса. Койки в его трюме стояли в четыре-пять ярусов с просветом над головой в полтора фута. Еда была вообще никакой...

А Вы знали, куда направляетесь?

Нет. Знали, что идем в южную часть Тихого океана. За нами сначала примерно 45 минут двигался дирижабль, с которого высматривали подводные лодки. Мы сразу пришли на Новую Кaledонию, на Гавайях не останавливались. Шел июнь 1943 года.

Ну теперь-то Вы более внимательно следили за военными сводками?

Должно быть, но я уже не помню. Все мы все еще были полны желания вступить в бой. [Новая Каледония](#) оказалась живописным островом. Замечательное место. В одно утро я проснулся и увидел в казарме ребят из 2-го Батальона Рейдеров/2nd Raider Battalion. У них у всех были бороды, а на поясах висели [ножи Ка-Бар](#). Один из парней оказался из средней школы Беверли-Хиллс. Полагаю, они до этого участвовали [в боях на \[Гуадал\]Канале](#). Как-то ночью мы проснулись, а их уже не было: они отбыли в Штаты принимать участие в боевой подготовке новых дивизий.

Вместе с солдатами из 2-й Дивизии мы отправились в Новую Зеландию. Без нас старый голландский транспорт, и на нем мы попали в жестокий шторм – волны перекатывались через все судно. Оно скрипело и трещало, словно собиралось развалиться. Ну, остановились мы на острове Питкерн/Pitcairn. Появились местные жители: половина из них была белокожей, это были потомки [Флетчера Кристиана](#) (Fletcher Christian) и его парней. Дошли мы до Новой Зеландии, и меня отправили в городок Паекакарики/Paekakariki [городок к северу от Веллингтона] в часть, в которой мне придется служить и дальше. Это была Рота F 2-го Батальона 8-го Полка морпехов. Тут каждый день у нас были маршброски, стрельба и подготовка к десанту с моря...

У Вас были ежедневные занятия с одним выходным в неделю?

Насколько я помню, у нас были выходные в субботу и воскресенье. Мы на уикенды ездили в Веллингтон, но к полуночи мы уже должны были покинуть улицы. Если ты не успевал на последний поезд, идущий в лагерь, находившийся рядом с Паекакарики, у тебя были большие неприятности.

Почему Вам так нравилось в Новой Зеландии?

Люди были просто прекрасными. По счастью, их мужчины были все в северной Африке, так что мы могли вести себя свободно, так сказать, конкуренции не было. Я был слишком молод, чтобы вступать в серьезные отношения, но многие ребята поженились. Мы ходили в бары в центре города и там поддавали. Моим единственным свиданием был поход с одной девушкой в кино. Я в основном ходил в пабы, а женщинам в них входить не разрешалось...

В районе города Фокстон/Foxton у нас были маневры, длившие три или четыре дня. До лагеря было 55 миль, и наш майор, Хенри Кроу (Henry Crowe, 1899-1991, на фото слева), по-настоящему крутой морпех, в каждой операции заставлял нас осуществлять десантирование с боем. Он мог позвать в заросли любого парня или офицера, где давал ему урок того, кто является командиром этой части. Там он вколачивал это в башку тому, кто думал иначе. Его заместитель, майор Уильям Чемберлин (William Chamberlin, 1916-1996, на фото справа), был полной ему противоположностью! Вообще он выглядел как профессор из колледжа. Потом он проявил себя как по-настоящему храбрый малый. На Тараве он был всюду и везде...

Какой была транспортировка из Новой Зеландии?

Пару дней мы провели в порту. Потом у нас были учения по высадке с моря на Новых Гебридах. Там были прекрасные пляжи из белого песка. Мы высаживались с катеров Higgins, местные жители приносили нам кокосовые орехи. Так мы провели дня два. На судах жилые помещения были забиты до отказа – просто пройтись было почти невозможно. Еда была отвратительной, и за ней приходилось стоять в очереди. Койки были в четыре яруса, очень близко одна к другой. С нами проводили беседы о том, куда мы направляемся и что будем делать. Нам говорили, что Таава – это крошечный островок и что нас ждет прогулка по парку. Говорили, что два дня его будут бомбить и обстреливать, так что мы не ожидали того, что нас ждут большие события. Я просто рвался в бой, да все мы хотели убивать джалов. Наш ротный офицер, капитан Бэррет (Martin F. Barrett, 1909-1979, тяжело ранен в день высадки на Тааву) говорил нам, что у нас не будет трудностей.

Покидая Новую Зеландию, знали ли Вы о том, что Вас ждет боевая операция и Вы можете не вернуться назад?

Нет, на самом деле, мы ничего не знали.

Когда Вам сказали, что это будет Таава, как Вы на это среагировали?

Я никогда о ней не слышал. Пока нам о ней не сказали, мы об этом острове понятия не имели. Нас столах лежали бумажные карты с элементами рельефа. Приподнятые фрагменты отражали характер местности. Ну а я просто не мог дождаться того момента, когда смогу убивать джалов. Мы ненавидели их, просто ненавидели. Парни, побывавшие на [Гуадал]канале рассказывали нам, что это за люди, и мы были преисполнены ненависти...

Ну а до войны у Вас были какие-то неприязненные чувства по отношению к японцам?

Нет. В Беверли жила японская семья, и в ней был прекрасный парень. Мой друг в Сан-Хосе был японцем. Его интернировали. У меня никаких чувств не было, но, когда я уже был на службе, такие чувства у меня появились. Их зверства привели к этому...

А другие парни как реагировали на новости о том, что будет целью операции?

Не помню, чтобы у кого-то был страх. Все рвались в бой кроме тех, кто побывал на [Гуадал]канале. Они больше молчали, но у них не было видно такого возбуждения, как у остальных пацанов, а ведь мы тогда были просто детьми 17-19 лет от роду. Мне было 20, я был немного старше среднего морпеха. Ветераны хранили спокойствие, остальные были взбудоражены...

Что происходило в ночь, предшествующую высадке?

Думаю, я спал. Меня ничего не беспокоило. Как перед Богом – я не думал, что джапы будут стрелять в нас. Мы просто были настоящими придурками. Ховард Брисбен (Howard Brisbane, еще один санитар, на фото слева) боялся и говорил, что не уверен в том, что ему удастся выбраться из всего этого живым, но я сказал ему на это какую-то чепуху. Это было за день или около того до высадки. Он погиб на Тараве. Я нашел его после боя. Он был в первой волне и не продвинулся и на 30 футов: его скосило пулеметной очередью... Его тело уже вздулось. У него были маленькие острые ушки, и он носил перстень школы, которую он окончил, так что я сумел опознать его. Трупы лежали, вздувшись на жарком солнце. Еще там были трупы, плававшие в воде. Такая мешанина... Смрад был ужасным. Больше ничего подобного я не видел даже на [Сайпане](#), [Тиниане](#) или [Окинаве](#).

Вы позавтракали в то утро?

Полагаю, мы завтракали. Затем мы спустились с борта судна в *амтраки* (*amtrac* – *amphibious track/амфибийный трактор* – ВК). Стало и правда страшновато, потому что ты грузишься в него с рюкзаком и с винтовкой, упаковкой первой помощи в моем случае, а судно раскачивается, да и *амтрак* тоже. Однако не припомню, чтобы кто-то упал в воду...

Каким было Ваше снаряжение?

Медицинская упаковка, сверток с одеялом, чистыми носками и всякой мелочью, пояс с патронными сумками, карабин, нож Ка-Бар, каска. Люди думают, что у санитаров нет оружия, но у нас оно было. Не уверен, было ли оружие у санитаров на Гуадалканале, не думаю, что оно было у них в Европе, но у нас оружие было. На Гуадалканале стало ясно, что японцы будут концентрировать огонь на всех тех, у кого есть знаки различия: например, на офицерах или санитарах с красными крестами. Так что ни у кого не было знаков различия, и у меня не было. Но наши парни знали, кто мы...

Карта острова Бетио атолла Тарава. Морпехи высаживались на северный берег острова на три пляжа: Red 1, Red 2 и Red 3.

Были ли сказаны последние слова друзьям [перед боем]?

Нет. Я беспокоился о Ховарде, потому что он сильно волновался. Кроме этого, я с нетерпением ждал боя. Я был молодым и глупым...

Я знал, что мы сумеем перебраться через рифы, потому что мы были в *амтраке*, но парни в Хиггинсах... Не думаю, что они были в этом уверены (*этим катерам было необходимо иметь для продвижения глубину не менее чем в три фута – примечание автора*). Мы были уже на пляже, а эти парни натыкались на рифы, попадали под огонь, и мы ничем не могли им помочь...

Пришлось ли Вам ждать начала высадки в амтраках три-четыре часа?

Думаю, так и было. В *амтраке* было около 15 парней, все из моего взвода Роты F. На подходе к берегу, справа от нас, был причал и старое судно, с которого по нам вели огонь. Этот участок бомбили самолеты, и первым чувством было удивление от того, что по нам стреляют. В идущий рядом с нами *амтрак*, в который угодил снаряд. Я не мог поверить в то, как просто он взорвался и все, находившиеся в нем, были убиты. В воздух полетели руки и ноги, и я подумал: «Боже мой! Да они в нас стреляют!» Тогда я в первый раз подумал о том, что мы в беде. Мы были над рифом, когда это случилось. Нам сказали, чтобы мы пригнули головы, но мы этого так и не сделали. Знаете, мы видели, как над нами летят 14-дюймовые снаряды...

Морпехи из Роты Е 8-го Полка под огнем японцев на пляже Таравы

Когда Вы подходили к берегу, какой интенсивности была бомбардировка?

Было как в кино. Просто невероятно. 14-дюймовые снаряды падали на берег и взрывались, наносили удары и пикирующие бомбардировщики. Мы не думали, что кто-то сможет выжить под таким огнем... Мой взвод находился на крайнем левом фланге пляжа Red 3, и это означало, что мы находимся на крайнем левом фланге всего фронта высадки. Напротив находился большой командный пункт джалов. Его стены были три фута в толщину. Трудно в это поверить! Солдаты были Императорскими Морскими Пехотинцами, и поэтому это были чертовски здоровые парни.

Добравшись до пляжа, мы вывалились через борт со всем снаряжением. Напротив нас оказался джал, он, должно быть, был 6'2" ростом, оголен до пояса. Он был где-то в 20 футах от нас или ближе и размахивал своим клинком. Само собой, его сразу же застрелили. Вообще, мы предполагали, что эти парни окажутся коротышками.

Вот этот момент, когда Вы перепрыгивали через борт амтрака, - страшно было?

И правда, было. Я знал, что это – критический момент – выпрыгнуть со всей моей выкладкой. Первое что я сделал, - я рванулся к пляжу, потому что нас учили сразу же продвигаться поперек острова. Ну и шум был! Стрельба, взрывы ручных гранат, очереди с атакующих самолетов...

Расскажите о Вашем первом пострадавшем.

Когда это случилось в первый раз, это было настоящим шоком. Один из друзей сказал мне, что первый пострадавший, вероятно, будет самым трудным, и он оказался прав. Позднее были случаи и потяжелее, но этот... Джонни Снайдер (Johnny Snyder) и я решили, что будем работать бок о бок, если найдем друг друга на пляже. Первый пострадавший парень был из моего взвода. Он лежал на животе, но носки его ступней были направлены в небо. Мы было подумали, что у него сломана нога, и попытались оттащить его. Я приподнял его, моя рука попала ему под брюки, и я понял, что ему оторвало ногу. Кровь, порванные сухожилия, кости... Я не мог поверить своим глазам, спросил Джоу (Joe), больно ли ему, но он ответил: нет, просто нога онемела. Мы наложили шину на обрубок ноги, затем попытались вколоть ему морфий. Я воткнул шприц ему в ногу, но не смог выдавить из него раствор: я просто не знал, как использовать шприц – меня к этому не подготовили.

Переливание крови раненому морпеху. [Тараева](#)

Этот опыт с первым раненым оказал на Вас какое-то влияние?

Да, в самом деле. Раньше я ничего подобного в жизни не видел, но с той минуты ничто уже не волновало меня. Ранения в живот были наихудшим вариантом, но и они не вызывали у меня никаких эмоций. Некоторые пани не могут переносить вида крови, но меня это не действовало.

Вы осознавали, что рядом с вами в песок ударяют пули, ощущали ли шум?

Бог ты мой, шум стоял невозможный! Разрывы ручных гранат, стрельба с пикирующих самолетов и их бомбы... Мы старались позаботиться о наших парнях. Чтобы вступить в контакт с кем-то, в большинстве случаев приходилось орать. Когда мы выбрались на пляж, я разглядел маленькие ДОТы на двоих человек с пулеметом – эти парни стреляли по тем, кто брел по воде к берегу.

Вы говорили о том, что перебегали от одного раненого к другому. Должно быть, все они были на открытом пространстве...

Так и было. Ты не думаешь об опасности. Я не думал о том, что меня может зацепить, и этого не случилось. В тот первый день, в то утро, я подбежал к подбитому амтраку, стоявшему в воде ярдах в 30 от берега, потому что какой-то парень крикнул мне: «Эй, док! Там в амтраке раненый малый!» Когда я приблизился к нему, я увидел, что за машиной прячутся четверо морпехов, и все они были ранены. Они сказали мне, что в ней находится еще один, которому нужна помощь, так что я запрыгнул в эту машину. В ней был капрал из нашей роты. Он был ранен в грудь, когда вел огонь из пулемета, [установленного на машине]. Пуля прошла навылет, через эту дыру можно было видеть насекомых. Он хотел, чтобы я остался с ним, но я сказал, что могу этого сделать. Слишком много всего происходило вокруг... Ну а тот парень так и скончался в амтраке.

Я вытащил двоих раненых из-за амтрака и сказал им, чтобы они бросили все свое снаряжение и оперлись на мои плечи, после чего мы направимся в сторону пляжа. Как только я сказал *вперед!*, мы побежали к пляжу. По дороге одного из них снова зацепило. Затем я вернулся к двум другим, довел их до пляжа и обработал их раны]. Все морпехи говорили мне: «Ты хороший малый, док.» Там, на этой долгобойной Тараве, я старался изо всех сил. Могло и меня зацепить. Я отчетливо помню, как я бежал, как пули поднимали фонтанчики из воды, как я делал зигзаги и мчался так быстро, как только мог...

За это я был представлен к награде. Врач на судне потом вызвал меня и спросил: «Это ты бегал к амтраку, чтобы подобрать раненых?» Я сказал: «Да.» Он говорит: «Я слышал об этом, так что я представляю тебя к Серебряной Звезде.» Я был просто ошарашен, потому что думал, что меня собираются за что-то отчитать.

Когда Вы бежали, чтобы подобрать тех морпехов, Вы не думали об опасности?

Нет. Я просто делал свое дело. В таких ситуациях не до раздумий, но я хорошо понимал, что стреляют в меня.

Люди, которым Вы предоставляли помощь, были спокойны или вопили [от боли]?

Насколько я помню, паники не было. Единственный раз я помню это с одним парнем на Тиниане. Он кричал и звал мать.

Морпехи, которым Вы оказывали помощь, что-нибудь Вам говорили?

Они благодарили меня: «Спасибо, док.» Некоторые возвращались назад и снова вступали в бой. Большинство из них поступало так.

Были ли моменты, когда Вы думали о том, что погибнете?

Нет, ни разу. Думаю, что парень, который размышлял об этом, представлял из себя опасность. Если ты в страхе, ты не сможешь делать то, что должен.

Были ли остров постоянно затянут дымом и пылью?

Да, так и было. Снаряды производили облака дыма, грохот от стрельбы и разрывов гранат был неописуемый. У меня с той поры до сих пор в ушах звенит.

Были, кто впадал в оцепенение от страха?

Я такого не видел. На одного парня накатил *боевая усталость* или как это теперь называют: его тряслось, он рыдал, и его рвало. Полагаю, он [психологически] сломался. После сражения его отправили в тыл. Некоторые люди просто не переносят шума, стрельбы и ужасов.

У нас в части был малый из Лос-Анжелеса. Когда мы высадились на пляж Таравы, он просто посыпался. Ничего не мог делать. Это был единственный такой, которого я припоминаю. Позднее он умолял врача дать ему еще один шанс, но с ним на Сайпане случилось то же самое. Никто не имел по отношению к нему враждебных чувств: мы просто осознали, что некоторые не могут [воевать].

О санитарах мало пишут в книгах о войне...

Я вам скажу, в Корпусе Морской Пехоты солдаты боевых частей уважали санитаров. Мы с ними были близкими друзьями. Не уважали нас те, кто не был в бою. Они говорили: «Ты вообще не морпех..» Но мы с ними были во всех марш-бросках, мы с ними вместе стреляли на полигонах, мы были их неотъемлемой частью. Когда начинался бой, нашим долгом было помогать им, их долгом – помогать нам.

Приходилось ли Вам вести огонь из своего оружия?

Приходилось. Одного я подстрелил. Я вернулся назад к перевязочному пункту, чтобы взять дополнительные медицинские припасы, он был ярдах в двухстах. Сижу, разговариваю с приятелем, упервшись спиной в ствол кокосового дерева. И тут неожиданно парень получает пулю точно между глаз и падает замертво у удивленным выражением на лице. Я поверить в это не мог. Побегал немного и разглядел что-то на дереве. Выстрелил, и оттуда свалилась винтовка, так что я довольно уверенно могу сказать, что это был джал. Дерево было где-то ярдах в 20 от меня.

А после этого Вам приходилось стрелять?

Мы не могли продвигаться вперед и отступили к волноприбойному уступу, из-за которого стали бросать ручные гранаты. Я их тоже бросал и тоже вел огонь из винтовки, когда были перерывы в оказании помощи раненым. Что касается обработки ран, то все, что мы могли сделать, - это посыпать рану сульфаниламидным порошком (sulfa powder), перевязать ее, насколько это было возможно, и еще сделать укол морфия, если дело было совсем плохо. Тот первый парень был ярдах в 30-50 от берега, само большое. Первый день мы оставались на пляже за волноприбойным уступом и не могли двинуться дальше. Мы видели, как парни брали по мелководью к берегу, как их скашивал огонь противника, и понимали, что дела идут плохо.

Как прошла первая ночь после высадки?

Всю ночь мы перетаскивали раненых к причалу, а обратно несли воду и боеприпасы. Было чертовски жарко, и питьевая вода была нужна всем. Я все время носил с собой винтовку.

Вы ожидали контратаку в ту первую ночь?

Ожидали. По какой-то причине они не стали атаковать...

Были ли Вы удивлены тем, как действовали другие парни?

Да, было такое. Ребята делали дела. Помню двоих парней, которые накрывали своим телом гранаты, чтобы спасти других. Вероятно, им удавалось спасти кого-то одного, может быть, друга, и за это они не получали ничего, никакой награды.

Раненые морпехи, уложенные на надувную лодку, у причала в ожидании эвакуации

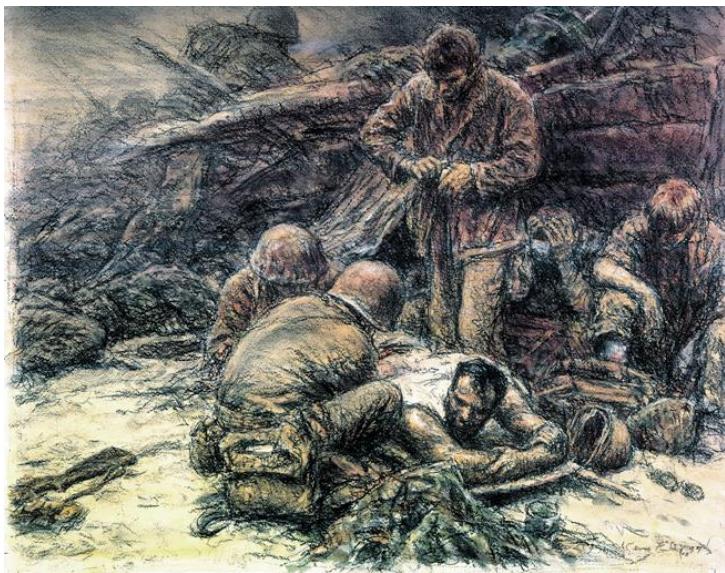
Что на меня производило впечатление, так это сила духа морпехов. Они никогда не сдавались. Они держались, и это заставляло меня относиться к ним с большим уважением, чем к морякам. Я и сейчас испытываю гордость за Корпус Морской Пехоты, считаю себя морпехом, и так будет всегда.

Что особенно запомнилось из последних дней?

Когда мы начали продвигаться вперед на третий день, моего друга Джонни Снайдера зацепило у того командного пункта. Помню, как парни выжигали этот командный пункт огнеметами. Потом, когда мы вышли к окончанию острова, и все было кончено, я начал думать о Ховарде Брисбене и пошел искать его. Он был там, неподалеку от того места, где высадился я. Это запомнилось больше всего...

Если смотреть по суткам, сколько времени Вы были заняты оказанием помощи раненым?

Днем мы не спали, а две ночи подряд перетаскивали раненых к причалу. Было чертовски жарко, солнечные ожоги были большой проблемой. У меня нижняя губа от ожогов растрескалась. Многие парни сильно обгорели, но, поскольку ты весь в пыли и грязи, это действует как солнцезащитный крем.

Санитары-морпехи оказывают помощь раненому на пляже Таравы

Эти дни сливаются вместе, или Вы можете отделить один от другого?

Вроде как сливаются вместе. Первый день помню более живо, куда ярче, чем второй и третий день. Мы на левом фланге крепко застряли. Каждый день мне приходилось возвращаться на батальонный перевязочный пункт. Смешно, но в таком сражении никто не знает, что делается на другом конце.

Тарава была моим первым сражением и запомнилась наиболее ярко. Это было наихудшим вариантом, потому что все сжалось в три дня вместо месяца или вроде того. Нам все время приходилось быть начеку, спали очень мало, все время были уставшими. Бог ты мой, ну и вымотаны мы были! Да еще под огнем.

Когда Вы начали верить в то, что победа будет за вами?

В последний день, когда мы перебрались через волноприбойный уступ. Мы знали, что не могли перемещаться по пляжу, и не имели понятия о том, что происходит на других участках. Когда 6-й Полк Морской Пехоты начал продвижение вперед, вперед пошли и мы.

А как Вы покидали остров?

Не помню, чтобы кто-то поднимал флаг или приземление самолетов на аэродроме. Нас сняли с острова довольно быстро. Полагаю, нас на амтраках перебросили на соседний остров. Мы провели там день или два, отмылись и выстирали форму, купаясь в море. Мыла у нас не было. Потом мы отправились на Гавайи.

Вы говорили, что Вас не разу не зацепило в бою. Вообще, какие-либо травмы у вас были?

Получил травму на Гавайях, после Таравы. Нас высадили на берег, а там ни лагеря, ничего вообще, просто каждому по одеялу и зубной щетке. Можно было надеяться, что нас хоть что-то будет ждать.

Я сидел в палатке еще с четырьмя или пятью санитарами и читал письмо от брата за столом, который мы сами сделали, когда неожиданно раздался взрыв, который откинул меня назад. Я почувствовал, как что-то ударило меня в колено, но ничего такого не подумал. Мы выбежали из палатки и увидели, как из палатки напротив тоже выбегают

ребята. Оказалось, что капрал, который раньше сражался на Гуадалканале, подобрал где-то 37-мм снаряд, положил его к себе в рюкзак, принес в палатку, бросил свой рюкзак на ящик с кока-колой, и снаряд взорвался. Ему сломало ногу, но еще двоим или троим парням, которые только-только прибыли из Штатов, оторвало ступни. Все было забрызгано кровью. Мы схватили наши медицинские упаковки и оказали помощь раненым. Кто-то крикнул мне, чтобы я посмотрел, что случилось с парнем, который находился в соседней палатке. Этому парню осколок попал в яремную вену, и он был убит. Он был лучшим другом того самого капрала.

Когда мы вернулись в свою палатку, один из моих приятелей сказал: «Бог ты мой, посмотри на свою ногу, Стэн!» Я опустил голову и увидел, что моя нога залита кровью. Когда врач осмотрел рану, он сказал, что ему придется отправить меня в госпиталь, и добавил: «Так, они захотят вскрыть рану, но ты им не разрешай делать это. Полагаю, что этот осколок беспокоить тебя не будет.» Он оказался прав: осколок беспокоил меня около года, но на этом все и кончилось. Он так и сидит во мне.

Пункт первой помощи. Сайпан...

Забыла ли про Вас страна?

Думаю, много лет так и было, но в последние годы люди снова вспомнили о тех, кто воевал во ВМВ, Вьетнаме и Корее.

Почему люди должны помнить о Тараве?

Из-за решимости, проявленной молодыми парнями, мальчишками. Они не дрогнули.

Считаете ли Вы себя героем?

Нет.

Почему нет?

Я делал то, что сделал бы любой другой... Любой из моих друзей сделал бы то же самое. Единственным большим делом, которое я сделал, было то, что я вытащил тех морпехов. Но это было моим долгом – я был санитаром. Если парня зацепило, ты должен вытащить его. Это – твоя работа.

Санитары оказывают помощь раненому. Тарава...

Источник

<https://warfarehistorynetwork.com/article/terrible-tide-at-tarawa-interview-with-stan-bowen/>

Перевод – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org